

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »
СПЕЦНАЗ

Сергей ДОНСКОЙ

ДЕТОУБИЙЦЫ

Спецназ. Группа Антитеррор

Сергей Донской
Детоубийцы

«Автор»

2013

Донской С. Г.

Детоубийцы / С. Г. Донской — «Автор», 2013 — (Спецназ. Группа Антитеррор)

До приезда детей в лагерь отдыха «Зорька» оставалась всего неделя, а охрана территории до сих пор не была организована. Дело в том, что два дюжих мужика, подрядившиеся на лето сторожами, по невыясненным причинам сбежали. Директор лагеря начал искать замену, но вдруг проблема разрешилась сама собой. К нему обратились братья-близнецы Беридзе, представились грузинскими беженцами и попросились охранниками. Директор с радостью принял беженцев на работу. А спустя несколько дней, когда территория лагеря наполнилась смехом и щебетанием ребятни, братья Беридзе взяли в руки автоматы и хладнокровно расстреляли более трех десятков детей... Страна погрузилась в траур, ужас парализовал людей. Президент России собрал экстренное совещание и приказал силовикам найти и покарать убийц. Любой ценой.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Донской

Детоубийцы

Глава 1

Слезами горю не поможешь

Братья Беридзе появились в детском лагере «Зорька» в первых числах июня, незадолго до заезда. Один из них, Гоги, носил ухоженную бороду, делавшую его похожим на итальянского гангстера в исполнении молодого Аль Пачино. Другой, Гиви, ограничивался мексиканскими усами и был старше ровно на четырнадцать минут и сорок две секунды. Они были зеркальными близнецами. Зеркально были расположены не только их родинки, но и сердца: у Гоги оно билось слева, как у всех нормальных людей, а у Гиви – справа. Первый был левша, второй – правша. И у обоих были идентичные отпечатки пальцев, только в зеркальном отображении.

Прибыв в лагерь, оба пахли одинаковым одеколоном, расточали неотличимо ослепительные улыбки и наперебой демонстрировали свое уважение к будущему начальству.

«Нам их сам Бог послал», – провозгласил начальник лагеря на совещании, состоявшемся следующим утром. Сотрудники дружно закивали головами. Два прежних охранника лагеря – крепкие, почти непьющие мужики из соседнего поселка Макопсе – куда-то запропастились, поставив под угрозу срыва начало летнего сезона. Уже потом, когда название лагеря прогремело на всю страну и Лазаревский район оказался наводнен представителями всевозможных спецслужб, пропавших обнаружили на берегу, тщательно заваленных камнями и галькой. Обоих зарезали – умело и хладнокровно, как баранов. Было ли это делом рук Гоги, Гиви или обоих Беридзе сразу, установить не удалось. В любом случае, они своего добились: устроились в лагерь сторожами, назвавшись беженцами из Грузии. По их словам, во время войны восьмого года они сражались на стороне Абхазии, за что подверглись на родине репрессиям. Начальник им поверил. Почему бы и нет, если близнецов Беридзе сам Бог послал?

Близнецы тоже были христианами и тоже верили в божественное предначертание. В ту памятную войну вся их семья погибла под руинами дома, в который попала шальная российская ракета, выпущенная с вертолета. Отец, мать, сестры, дальние и ближние родственники, собравшиеся под одной крышей, так и остались там, словно в одной большой братской могиле. Четыре долгих года Гоги и Гиви вынашивали план кровавой мести, понимая в глубине души, что злые мечты их неосуществимы. А потом появились люди, объяснившие, что и как следует делать. Не бесплатно. И не на свой страх и риск. После завершения операции братьев обязались не только доставить в безопасное место, но также обеспечить им прикрытие, новые документы и безбедное существование в любой точке мира. Двадцатипроцентный аванс составлял два миллиона долларов. Произведя несложные арифметические подсчеты, Гиви и Гоги почувствовали, как усиливается жажда мести, притупившаяся с годами.

Утро одиннадцатого июня, отмеченное в российских календарях траурной краской, выдалось пасмурным. Слегка штормило. Измерив температуру моря, врач лагеря (исполнявшая по совместительству обязанности медсестры) приняла решение отменить выход на пляж, расположенный в сотне метров от «Зорьки». Детям предстояло провести день на территории, обсаженной кипарисами, магнолиями и платанами. После завтрака многие из них собрались на баскетбольных и волейбольных площадках. Во второй половине дня намечался футбольный матч и турнир по настольному теннису. Домоседы остались в пятиместных номерах однотипных корпусов. А братья Беридзе неспешно наполняли магазины своих автоматов маленькими блестящими патронами калибра 7,62 миллиметра.

Между делом они курили слабенькую сочинскую коноплю, заставлявшую их не столько похотывать, сколько кашлять. Это позволяло не думать о предстоящем деле. Не то чтобы Гиви и Гоги боялись, нет. Но спокойствия и уверенности они тоже не испытывали. Их движения были нервными, патроны выскальзывали из пальцев, раскатываясь по полу.

Между тем объявление о расписании дня подходило к концу.

– Внимание, внимание! – донеслось из допотопных репродукторов, развешенных на столбах. – В девятнадцать тридцать все желающие могут принять участие в «Детектив-шоу» и эстафете «Веселые старты». Завтра в это же время будет проводиться конкурс «Мистер и мисс лагеря». Запись участников производится в актовом зале. Не стесняйтесь, друзья! Мы вас ждем.

Кто из ребятишек в возрасте от семи до четырнадцати лет успел сделать выбор? Кто записался на эстафету, кто побежал разыскивать теннисную ракетку?

Гиви выплюнул обслюнявленный окурочек, выпустил дым через сложенные трубочкой губы и передернул затвор «калашников»:

– Пора.

– Я готов, брат, – откликнулся Гоги.

– Запасные магазины не забудь, – сказал Гиви.

Вместо ответа Гоги похлопал по карману своей пятнистой куртки.

Близнецы были одеты в стандартную камуфляжную форму, столь излюбленную всеми охранниками Российской Федерации. Ношение огнестрельного оружия инструкцией не предусматривалось. Беридзе плевать хотели на инструкции. Автоматы им выдали представители заказчика. Бесплатно. С полными боевыми комплектами.

Беспощадный отстрел детишек начался на спортивной площадке. Первые очереди прозвучали ровно в 10.00, скосив трех мальчишек, собравшихся у турника. Спустя несколько секунд все трое, обливаясь кровью, лежали на песке, включая девятилетнего Машкина, показывавшего, как крутить «солнышко». Бросившихся враспынную били одиночными, целясь в спины. Они падали совершенно одинаково, словно наткнувшись на незримое препятствие. Гиви занялся баскетболистами, Гоги сосредоточился на волейболистах. И те и другие валились на землю и оставались лежать там, неподвижные, как брошенные на площадках мячи, оранжевый и желто-синий.

В шесть минут одиннадцатого от пуль убийц погибло полтора десятка детей.

К этому моменту мобильная связь в районе Лазаревского была выведена из строя безымянным спутником, зависшим над местом событий. Никто не успел вызвать полицию, хотя попытки такие делались. Гоги вскинул автомат, и рой пуль, выпущенных из ствола, прошил голову завхоза вместе с мобильником, прижатым к уху.

– Алло, алло, – успел просипеть завхоз, прежде чем его голосовые связки перестали слушаться.

Этот отчаянный призыв и он сам канули в небытие. А братья Беридзе шли по территории лагеря, стреляя в каждого, кто оказывался у них на пути. Падали мальчики, девочки, воспитатели, выскакивавшие на шум. Никто толком не понимал, что происходит. Вспышка, удар, темнота. Вспышка, удар, темнота. Разогретые автоматы трещали деловито и безостановочно, словно подключенные к невидимому компрессору. Только гнали они не сжатый воздух, а пули, пули, пули. Крохотные слитки металла, обрывавшие жизнь за жизнью. Взрывались сердца, лопались черепные коробки, сипели продырявленные легкие.

Как будто смерть прошла по лагерю со своей косой. И прожорливые чайки носились в небе, предвкушая обильное пиршество. Своими пронзительными голосами они словно пердразнивали кричащих и плачущих ребятишек. Ветер сносил их, но они упрямо возвращались, наблюдая сверху за происходящим.

Около трех десятков маленьких трупов лежали на спортивных площадках и дорожках, когда убийцы разделились, войдя в два разных жилых корпуса. Очереди сделались глуше, вопли жертв – тише. А когда братья вновь появились снаружи, деловито вставляя запасные магазины, пятнистые штаны их, от щиколоток до колена, были пропитаны быстро остывающей на ветру кровью.

– Сколько у тебя? – проорал Гиви, кося стайку детворы, удирающую по аллее.

– Не считал, брат, – отозвался Гоги, приканчивая одиночными выстрелами физрука, вздумавшего броситься на него с пятикилограммовой гантелью. – Там один придурок был. С аккордеоном. Играть начал со страха, прикинь?

Он зашелся безумным, пьяным смехом, слышать который было страшнее, чем выстрелы. Он и впрямь был безумен и пьян. Подобной легкости, подобной свободы Гоги не испытывал даже во сне. Маленькие человечки, пойманные на мушку, бежали и падали, бежали и падали. Взрослые, дети – какая разница?

– На пляж пошли, – предложил он громко, переступая через подергивающееся тело бухгалтерши, не добежавшей до приобретенной в кредит «Шкоды». – Туда все рванули.

Держа автомат одной рукой, Гиви добил девчужку, которая никак не могла умереть, оглашая округу жалобными стонами. Пуля попала точно в макушку, как и было задумано.

– Уходить пора, – возразил Гиви. – Да и патроны на исходе.

– На пляж, – настаивал Гоги. – Я их, мандавошек, голыми руками передавлю.

– Остынь. Нас машина ждет. – Гиви снял прицельным выстрелом неизвестно какую по счету тщедушную фигурку, бросившуюся через парк. – Мы должны живыми уйти. Чтобы эти твари знали.

– Они нас еще долго вспоминать будут.

– Их проблемы. Уходим.

Гоги посмотрел на мальчугана, скорчившегося под общим умывальником. Тот затравленно смотрел на Гоги и трясся, словно через него пропустили ток высокого напряжения. Лица у него не было. Одни лишь глаза, даже не глаза, а глазищи, наполненные слезами. Гоги вдруг вспомнил, как отец застал его за овчарней с дымящейся сигаретой в руке. Отца больше не было. Гоги нажал на спусковой крючок, и глазищ тоже не стало – оттуда, откуда они смотрели, хлестнули красные брызги.

– Уходим, – согласился Гоги и понял, что брат его не слышит. – Уходим, – крикнул он.

Ему вдруг показалось, что все убитые им дети и взрослые лишь притворились мертвыми. Сейчас встанут и, пересмеиваясь, начнут сходить со всех сторон, беря их, братьев, в кольцо. Одна за другой липкие ладони будут хватать их за одежду, чтобы утащить туда, откуда нет возврата. И отстреливаться будет бессмысленно. И бежать будет поздно.

– Уходим, – завопил Гоги, озираясь.

Никто его не окружал. Вокруг было безлюдно. Так безлюдно, как будто братья Беридзе остались одни на всем белом свете. Не считать же за людей тела, разбросанные повсюду...

– Я не хотел, – прошептал Гоги.

К кому он обращался? К десяткам трупов? К чайкам, рыдающим на все голоса? К небу? К тому, что выше неба?

Значения это не имело. Никто не ответил грузину Гоги, гордившемуся сходством с Аль Пачино.

Все закончилось. Кровь пролилась до последней капли. Настало время лить слезы.

Расплакалась в прямом эфире телеведущая, сообщившая о трагедии в Сочи. Рыдали родители и родственники убитых, съезжающиеся со всех концов огромной страны под названием Российская Федерация. Не удержался от слез губернатор Краснодарского края, позволивший президенту после кровавой бойни.

– Их надо найти, – повторял губернатор, кусая кулак. – Их надо найти во что бы то ни стало.

С каждым разом его голос взлетал на пол-октавы выше.

Напрасно он надрывался. Президент его услышал.

– Найдем, – произнес он ровным, бесцветным тоном. – Найдем и покараем. И без истерик, пожалуйста. Слезами горю не поможешь.

Закончив разговор, президент положил трубку. Рука его не дрожала. Разве что самую малость.

Глава 2

Жертвоприношение

Три недели спустя далеко-далеко от Сочи, в Африке, в угандийской столице Кампала, на улице имени известного американского экстремиста Малкольма Икса, российский посол Петраков раскладывал простенький компьютерный пасьянс под названием «Косынка».

У посла Петракова было открытое, симпатичное лицо, которое выглядело бы еще симпатичнее, если бы не маленький кукольный ротик, придававший ему сходство с осетром. Манипулируя электронными картами, Петраков рассеянно взвешивал свои шансы получить направление в какую-нибудь другую страну, пусть менее экзотическую, но зато более цивилизованную. Назвав Уганду жемчужиной Африки, Черчилль, вероятно, находился в весьма благодушном настроении, вызванном алкогольными парами. Природа тут действительно радовала глаз, но какой прок современному человеку от всех этих саванн, джунглей, водопадов и диких животных? Географией Петраков не увлекался, охотником не был, да и рыбу ловил лишь в далеком детстве. Ну и на кой черт ему африканские красоты? Фотографировать их на память? Тогда уж лучше виды Нью-Йорка или Лондона.

Если пасьянс сойдется, загадал Петраков, чувствуя холодок предвкушения в груди, то будет мне и Нью-Йорк, будет и Лондон, все будет. Некоторое время он азартно перекладывал карты, но везение закончилось, и компьютер бесстрастно предложил начать новую игру. Выругавшись, Петраков подошел к окну.

Вид был так себе. Посольство размещалось в индийском квартале с высоченными заборами, увитыми колючей проволокой. По непонятной причине здешние негры терпеть не могли индусов и регулярно устраивали погромы, так что работники посольства чувствовали себя как на пороховой бочке. За оградами на фоне оранжевого закатного неба высились небоскребы фешенебельного района Кампалы, но он был чем-то вроде оазиса, окруженного неказистыми домишками, огрызками пальм и толпами чернокожих. Грязь, крысы, паразиты, уличные пробки, антисанитария и нищета, нищета, поголовная нищета. Пока одних безумных диктаторов сменяли другие, еще более безумные, Уганда не имела шансов выбраться из экономической пропасти.

А у Петракова не было шансов выбраться из Уганды.

Не зная, как отвлечься от безрадостных мыслей и чем себя занять, он собрался уже вернуться к компьютеру, когда зачирикал мобильный телефон, исполнивший последний хит Меладзе. Российские рингтоны служили чем-то вроде музыкального противоядия против ностальгии. Петраков патриотом себя не считал, но домой его иногда тянуло. Когда годами торчишь в клоаке вроде Уганды, не то что в Москву, в какой-нибудь Урюпинск потянет. Чтобы ни пальм, ни бананов, ни песен и плясок народов Африки.

Прежде чем ответить, Петраков посмотрел на светящееся окошко. Звонил Генри, его малолетний осведомитель. Подобно любому послу, Петраков занимался множеством разных дел, далеких от дипломатии. Разведка, сбор компромата, подкуп, шантаж, распространение дезинформации. Толку от сети осведомителей было мало, но, экономя на выплате вознаграждений, Петраков имел источник постоянного дохода.

– Слушаю, – сказал он в трубку.

– Это я, – проверещал Генри.

Разговаривали они на английском языке, считавшемся в Уганде официальным. Кое-какие словечки из языков банту посол тоже усвоил, но лингвистика давалась ему плохо.

– Что у тебя? – спросил он, машинально вертя пластмассовый стаканчик с карандашами и ручками.

– Я кое-что раздобыл, – ответил Генри. – Кое-что очень важное.

Он так тараторил, что последнее слово состояло из одних только согласных: ИМПРТНТ.

Important? Петраков насторожился. В середине июня из Москвы поступило распоряжение выяснить, не въехали ли в страну граждане Грузии, некие братья-близнецы Беридзе, скорее всего, скрывающиеся под другой фамилией. Насколько Петраков понял, точных сведений об их местонахождении у ФСБ не было, однако он поднял на ноги всех своих информаторов, мысленно положив себе в карман пару сотен долларов, которые планировал списать на оплату поисков. Неужели Генри действительно пронюхал что-то? Или просто морочит Петракову голову, рассчитывая урвать несколько лишних десятков тысяч шиллингов? Мальчонка уже получил пятьдесят тысяч, что соответствовало примерно пятнадцати долларам. Платить ему больше было не в правилах Петракова.

– Что именно ты раздобыл? – сухо спросил он, ставя стаканчик на место.

– Меня возили к генералу. Я провел там целых два дня, – гордо произнес Генри.

Подразумевался генерал-майор Тананзе, назвать которого серым кардиналом мешал цвет его очень темной, почти эбонитовой кожи. Он был одной из самых важных персон в Уганде и обожал худеньких, шустрых, голодных оборванцев, предпочтительно сирот. Генри полностью соответствовал всем этим параметрам. Маленький курчавый гомик с невинным взглядом и порочной улыбкой.

– По-твоему, меня интересуют твои похождения? – осведомился Петраков.

Он вытащил из стаканчика карандаш, взял листок бумаги и на всякий случай приготовился записывать. Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

– Один раз он привел меня в свой кабинет, – продолжал Генри. – Я увидел там документы. Они лежали на столе.

– Какие документы?

– Вы их увидите, мистер. Я сунул их в этот... в ксерокс. Копии при мне. Я хочу за них миллион.

Карандаш в пальцах Петракова изобразил на бумаге цифру 1 000 000. Долларовый символ он рисовать не стал. Разумеется, подразумевались местные шиллинги. На самой крупной купюре достоинством в 50 тысяч были изображены трудолюбивые негры, собирающие урожай. На самой мелкой, тысячной, – первобытное каменное жилище, откуда они вылезли.

– О вознаграждении поговорим при встрече, – сказал Петраков, прикидывая, что малолетний осведомитель мог затребовать в два раза больше, почему бы и нет? – Но сначала я должен взглянуть на документы. Ты где?

Он взял карандаш на изготовку.

– В городе, – ответил Генри. – Я смылся от генерала, как только сделал копии.

Петраков застыл, сжимая карандаш:

– Смылся?

– Ага. – Генри то ли хихикнул, то ли всхлипнул. – За мной была погоня. Наверное, генерал догадался.

Грифель карандаша, прижатый к листочку, хрустнул. Петраков швырнул его на пол.

– Идиот! – воскликнул он. – Кто тебя просил бежать? Надо было задержаться, чтобы не вызвать подозрений.

– Вы сами говорили, что дело срочное, – напомнил Генри. – И обещали хорошо заплатить.

– Ты о чем-нибудь, кроме денег, способен думать?

– Конечно. Так когда мы встретимся, мистер?

На часах было восемь вечера. В последнее время Петраков засиживался на работе допоздна, чтобы поменьше видеться с женой, наставившей ему рога с одним улыбчивым молодцем из дипломатического корпуса США. «Сука, – подумал он. – Лживая, похотливая сука».

– Что? – подал голос Генри.

Петраков досадливо поджал маленькие розовые губки. Это все нервы. Прежде у него не было привычки произносить затаенные мысли вслух.

– Never mind, – сказал он. – Не обращай внимания.

Невидимый Генри ойкнул.

– Они идут, – прошипел он.

– Кто?

– Те двое, что гнались за мной в саванне. Наверное, опять ищут меня.

«Набивает цену, – решил Петраков. – Хочет заставить меня раскошелиться. Все эти черные одинаковы. Бездельники, воры и жулики. Во всех заложено одно и то же, только в разных пропорциях».

– Полагаю, ты ошибаешься, Генри, – сказал он. – Полагаю, никто тебя не ищет.

Мальчишка не уловил сарказма:

– Ищут. Они рядом.

– И что ты намерен делать?

– Встретиться с вами и получить свои денежки, – был торопливый ответ. – Приходите в «Империял Синема», мистер. Сегодня в десять. Я вас найду.

Связь оборвалась. Петраков сверился с часами и вновь сел за пасьянс. Какое-то смутное волнение нарастало в его груди. И невозможно было разобрать, тревога это или предчувствие большой удачи.

* * *

Без пятнадцати девять Петраков вышел на улицу, решив слегка перекусить перед встречей. К нему тотчас подкатил шоколадный парень на велотакси. Его трескучий, нещадно чадающий агрегат назывался бода-бода, потому что в свое время эти юркие мотоциклы перевозили пассажиров от границы до границы – from border to border. Теперь бода-бода лавировали преимущественно между городскими бордюрами. Петраков никогда не пользовался их услугами. Так же как не ездил в местных маршрутках, именуемых матату. Обитатели Кампалы вызывали у него брезгливость. А за что их можно было любить или хотя бы уважать?

Уганда принадлежала к полутора десяткам самых нищих стран мира с ужасающим уровнем бедности и преступности. Все эти народы, когда-то объединенные в одну британскую колонию, упорно не желали жить вместе, затеявая все новые и новые междоусобицы. Тон задавали этнические угандийцы, навязывавшие остальным вкусы, взгляды, обычаи, культуру. Гражданские войны сделались явлением регулярным и почти обыденным, как сезоны дождей или засуха, и во время политических кризисов пепел пожарищ заменял выжившим соль. Самые страшные времена настали с приходом к власти африканского «отца народов», фельдмаршала Иди Амина, провозгласившего себя «повелителем всей живности на земле и в море», оставившего после себя трехсоттысячную гору трупов соотечественников. Сам он, к счастью, давно издох, однако население Уганды оставалось все таким же нищим, исхудавшая скотина шаталась от ветра, а вдоль разбитых дорог возвышались кучи мусора, над которыми кружили грифы и коршуны.

И запах, этот неистребимый запах гнили, падали и разложения!

Садясь в машину, Петраков не стал открывать окна, предпочитая духоту вони бедных кварталов. Спустившись с холма Накасиро, на котором сосредоточился центр столицы, он вплотную приблизился к миру, где царили средневековые, а порой и первобытные нравы. Здесь испражнялись на улице, избивали жен, исполняли какие-то дикие колдовские обряды и продавали детей. Вывать к полиции было так же бесполезно, как к древним африканским божкам. В трущобах Кампалы царили свои собственные законы, не прописанные в кодексе.

Не углубляясь в этот опасный лабиринт, Петраков остановил свой лимонный «Форд» возле ресторанчика «Литтл Парадайз», где кормили дешево, но сытно и плотно. Расположившись на веранде под тростниковым навесом, он полакомился вкуснейшим матоке – пюре из зеленых бананов в арахисовом соусе, а заодно умял большущий блин, в который был завернут помидорный омлет и обжаренная на гриле кукуруза. К сожалению, трапезничать пришлось под бой уличных барабанов, от которых жутко разболелась голова. Шуметь в Африке было так же естественно, как на молодежной тусовке. Здесь все орали, гоготали, слушали громкую музыку или – что было хуже всего – музицировали сами. Петраков, склонный к созерцательным размышлениям, лишь досадливо морщился.

Без пятнадцати десять он подкатил к кинотеатру «Империял», настолько же неприглядному, насколько пышным было его название. В двух залах из трех крутили порнуху, о чем свидетельствовали афиши, на которых резвились невероятно грудастые и задастые бабенки. Под афишами дефилировали целые полчища алчущих шлюх, разноцветных, размалеванных, расфуфыренных. Одни носили искусственные шубки под леопарда, другие обходились минимумом одежды. Но больше всего впечатляло разнообразие обуви на женских ногах – от мушкетерских ботфортов до «танкеток» на чудовищных платформах с подсветкой.

Стоило Петракову высадиться возле кинотеатра, как он был тут же атакован дюжиной проституток, сопровождаемых настырными, крикливыми сутенерами. Сделав вид, что он собирается пустить в ход травматический пистолет, Петраков отвязался от этого сброда, купил билет и уселся на середине последнего ряда. Кроме него в зале находились лишь трое зрителей – страстная темнокожая парочка и толстый индеец, украдкой наблюдавший за ней. Может быть, он задумал внести дополнения в Камасутру?

Стараясь не прислушиваться к похотливым стонам и похрюкиваниям, Петраков рассеянно следил за происходящим на экране и ждал появления Генри. Шла какая-то белиберда про похождения Шерлока Холмса. Не детектив – блокбастер. Реанимированный Голливудом, сыщик целым и невредимым выходил из-под артиллерийских и пулеметных обстрелов, без конца палил сам, а между делом демонстрировал приемы карате, укладывая злодеев штабелями. Надо полагать, бедняга Конан Дойл все это время вертелся в своем гробу, а Петраков ерзал в кресле, поминутно поглядывая на часы. Генри как в воду канул. На звонки он тоже не отвечал.

«Лживый паскудник», – сердито подумал Петраков и покинул зрительный зал, решив немного поколесить по округе в поисках осведомителя. Очень уж хотелось надрать ему уши, давая выход своему раздражению.

* * *

Между тем Генри находился совсем рядом. Его маленькое сердце отчаянно билось в грудной клетке, словно птичка, стремящаяся на свободу. Мальчик тоже страстно желал перенестись куда-нибудь за тридевять земель. Если бы не обещанные русским деньги, он бы давно покинул пределы города. Но без денег далеко не убежишь, это Генри знал на собственном опыте.

Он представления не имел о том, как его обнаружили, но его обнаружили. Преследователей было двое: оба здоровенные, с темно-коричневыми мускулистыми торсами, обтянутыми яркими майками, один бритый наголо, второй просто коротко стриженный. Скорее всего кто-то сообщил им по телефону, что Генри крутится возле кинотеатра. Это мог быть кто угодно – дружок, стрельнувший у Генри сигарету, продавец лепешек, ласково потрепавший его по голове, одна из шлюх, трясшая сиськами у входа в стрип-бар, попрошайка возле перехода. Теперь это не имело значения.

Важной казалась лишь собственная жизнь.

Спасая ее, Генри четырежды пересек запруженную дорогу, протискиваясь между автомобилями или проползая под автобусами, после чего во весь дух припустился вдоль Масакароуд. Он уж решил, что ему удалось оторваться от погони, когда бритоголовый в зеленой майке вырос у него на пути, расставив руки на манер крестьянина, ловящего поросенка. Его глаза, налитые кровью, едва не загипнотизировали Генри. Каким-то чудом он увернулся от мускулистой конечности и ринулся в обратном направлении. Но долго бегать после визита к генералу мальчик не мог. Резкая боль раздирала беднягу изнутри, а шорты его стали липкими от кровавых выделений. Постанывая от усталости, боли и страха, он свернул в узкий проулок и, оскальзываясь на зловонной слизи, забился в щель между мусорными баками.

На протяжении всего кросса в его кармане трижды начинал жужжать мобильник, подаренный русским. Чтобы не выдать себя звонком, Генри поспешил отключить телефон.

Он сидел на корточках, прижимаясь спиной к стене. Разбежавшиеся было крысы вернулись обратно, принюхиваясь к скрюченной фигурке мальчика. Но крыс он не боялся. Он боялся тех двоих, что шли за ним по пятам.

«Господи, пожалуйста, пусть они пройдут мимо», – взмолился Генри, совершенно не представляя себе, как должен выглядеть тот бог, к которому он обращался. Белокожий или темнолицый, бог почивал на облаках где-то в заоблачных высях и вряд ли слышал обращенный к нему призыв. И все же Генри не переставал молиться.

ГОСПОДИ, НУ ЧЕГО ТЕБЕ СТОИТ СДЕЛАТЬ ТАК, ЧТОБЫ ОНИ ПРОШЛИ МИМО? ПРОШУ ТЕБЯ! СПАСИ!

В тишине было слышно, как колотится собственное сердце. Рядом шуршали и попискивали крысы, а в отдалении раздавался неумолчный гул города. А больше ничего. Совсем ничего.

Затаив дыхание, Генри осторожно высунул голову из укрытия. Улица пролежала всего в десяти шагах от мусорных баков. Прохожие, идущие по ней, даже не смотрели в сторону проулка.

Быстро прошагала грациозная мулатка на шпильках, цокающих, как козьи копытца.

Прошел, шаркая кроссовками, небритый блондин с рюкзаком за спиной.

Медленно проплыл мимо знакомый желтый автомобиль.

Генри узнал его. Кажется, это был «Форд» русского, обладавшего такими маленькими губами, что при виде их всегда подмивало расхохотаться. Но не сегодня. Не этой ночью.

– Мистер, мистер!

Позабыв не только имя русского, но и всяческую осторожность, Генри выбежал из темного закутка на освещенную улицу и... налетел прямо на преследователя в красной майке.

– Привет, – сказал он, фальшиво улыбаясь. – Ты ведь не очень спешишь, правда? Нам нужно поговорить.

– Помо...

Крик о помощи застрял в горле Генри, прихлопнутый большой влажной пятерней. Краем глаза он увидел, что желтый «Форд» притормозил метрах в пятидесяти, заехав колесами на тротуар. Оттуда высунулась мужская голова. Генри был уверен, что это русский и что он смотрит прямо на него.

Он вцепился зубами в ладонь, она отдернулась, давая возможность крикнуть снова:

– Я здесь! Сюда, мистер!

Без видимого усилия, словно котенка, мужчина приподнял Генри и швырнул его в глубь проулка.

– Ах ты, засранец!

Бросок был так силен, что, прежде чем упасть на загаженный асфальт, мальчик успел сделать в воздухе несколько движений ногами, словно крутя педали воображаемого велосипеда. Едва коснувшись земли, он, не обращая внимания на ободранные локти и колени, устре-

мился в противоположный конец переулка, неожиданно прегражденного фигурой здоровяка в зеленой майке.

– Куч-куч, – пропел он, что означало: «ку-ку».

В темноте он был черен, как сам мрак. Лишь зубы да белки глаз выдавали местонахождение головы мужчины. Она маячила так высоко, что Генри почувствовал себя ничтожной козявкой. Запустив руку под штанину, черный мужчина в зеленой майке достал оттуда большой, размером чуть ли не с мачете, нож.

– Куч-куч, – пропел он снова, растягивая губы до ушей.

Оглянувшись на шорох, Генри увидел прямо за своей спиной второго преследователя, разворачивающего шуршащий пакет для покупок. Было совершенно непонятно, для чего понадобился этот дурацкий пакет здесь, в темном переулке, и от этого Генри сделалось еще страшнее.

– Не надо, – попросил он.

Таковы были его последние слова в финале короткой, бестолковой, заведомо проигрышной игры, именуемой человеческой жизнью.

* * *

Петраков не был трусом, но и героем тоже. Не менее трех минут ушло у него на то, чтобы собраться с духом и направиться к щели проулка, куда втокнул Генри какой-то плечистый негр в красной майке.

«И зачем только я остановился?» – спрашивал он себя потом. Неоднократно спрашивал.

Ответа на этот вопрос не было. Может быть, сработала интуиция, а может быть, Петраков что-то заметил боковым зрением или услышал краем уха. Как бы то ни было, он затормозил, а потом выбрался из салона, чтобы оглядеться по сторонам.

– Я здесь, мистер! – прокричал Генри.

Что-то в этом роде.

Петраков сразу отыскал взглядом тщедушную мальчишескую фигурку в великоватой пестрой рубаше. А в следующее мгновение мальчишка исчез из виду. Схвативший его негр в красной майке повернул голову в сторону Петракова. Несколько томительно-долгих секунд негр изучал его лицо, а потом перевел взгляд ниже. Не требовалось дополнительного освещения, чтобы разглядеть, куда обращены его блестящие глаза. Они запоминали номерной знак «Форда».

Петраков судорожно сглотнул.

Негр в красной майке был высок и мускулист. Чем-то он напоминал самца гориллы, сумевшего выпрямиться во весь рост. Взглянув на номер автомобиля, он снова уставился на Петракова. Медленно качнул угольной головой из стороны в сторону. И скрылся за углом здания.

Все вместе это длилось семь, от силы десять секунд, но этого оказалось достаточно, чтобы колени Петракова сделались мягкими, как воск. Ему захотелось побыстрее вернуться за руль и поехать дальше, не оглядываясь и не задумываясь о дальнейшей судьбе Генри. С какой стати Петраков должен о нем беспокоиться? А что, если малолетний гомик просто развлекается со старшими товарищами? Или его изловили за то, что он стащил какую-нибудь вещь с прилавка? Или...

«Чушь», – сказал себе Петраков. Он знал правду. Чувствовал ее кожей. Негр в красной майке излучал угрозу. Настоящую, смертельную угрозу, от которой холод полз вдоль позвоночника, а мошонка уменьшалась в размерах, обтягивая яички все туже и туже. Это был один из двоих преследователей, о которых упомянул Генри в телефонном разговоре.

«Они идут, – прозвучал в мозгу Петракова срывающийся детский голос. – Те двое, что гнались за мной в саванне. Наверное, опять ищут меня».

«Нашли», – подумал Петраков. В горле было сухо, колени по-прежнему противно дрожали. Тем не менее Петраков заставил себя оторваться от автомобиля и сделать шаг к опасному проулку. Все-таки он был профессиональным разведчиком, к тому же получившим конкретный приказ. Если Генри действительно напал на след грузинских братьев, то Петраков просто обязан разобраться в этом. Иначе о переводе из Уганды в какую-нибудь другую страну нечего и мечтать.

Из проулка донесся приглушенный мальчишеский дискант, выкрикнувший «ай» или «ой». Петраков остановился, нащупывая рукоятку травматического пистолета. Он проделал приблизительно половину пути, и с каждым метром его шаги становились все короче и короче. Как назло, прохожие куда-то запропастились, и улица была почти пустынной. Проносившиеся мимо машины можно было не брать в расчет. В данной ситуации они были все равно что самолеты, спутники и неопознанные летающие объекты, которым нет никакого дела до маленьких земных трагедий. Впрочем, на помощь прохожих или прибытие полицейского патруля рассчитывать тоже не приходилось. Дело происходило не где-нибудь, а в африканской столице. Темной ночью. Посреди неблагополучного района.

Сделав над собой усилие, Петраков продвинулся вперед еще на несколько шагов. Ему некстати вспомнился Мюнхгаузен, вытаскивавший себя из болота за волосы. Обычная ходьба по тротуару требовала от российского дипломата не меньших усилий. Готовый отпрянуть, он заглянул в темную щель между домами.

Генри нигде видно не было. Только два темных мужских силуэта возле мусорных баков. Один держал в руке нож. Второй что-то запихивал в шуршащий пакет. При появлении Петракова оба подняли головы. По какой-то таинственной причине это синхронное движение вселило в него неодолимый ужас. Он чувствовал себя так, словно имел дело с оборотнями или хищниками-людоедами.

– Вы что здесь делаете? – хрипло спросил он почему-то по-русски. – А ну, пошли отсюда. Я стрелять буду.

В подтверждение своих слов Петраков выставил перед собой пистолет. Это был рискованный момент. Если бы негры бросились на посла, он успел бы выстрелить, а вот добежал бы до спасительного автомобиля вряд ли. Резиновыми пулями этих бугаев не остановишь, понимал Петраков. С таким же успехом можно было наставлять пугач на носорога.

– Я буду стрелять! – завопил Петраков по-английски, да так пронзительно, что сам не узнал собственный голос.

Коротко переглянувшись, негры уставились на него. Непонятно как, но Петракову удалось заставить себя шагнуть в глубь каменной расщелины. Он отчетливо видел поблескивающий клинок в руке одного из противников. Он ожидал, что вот-вот негры бросятся на него, и тогда жизнь его оборвется в этом вонючем закутке, среди обшарпанных стен, исписанных иностранной матерщиной. Однако произошло невероятное. Снова обменявшись взглядами, чернокожие попятились, развернулись и обратились в бегство. Петраков уже собирался выстрелить им вдогонку, когда сообразил, что делать этого не следует. Если бы негры догадались, что он вооружен обычной хлопушкой, они могли вернуться.

Они не вернулись. Пробежали до противоположного выхода и скрылись. Проулок опустел. Взмокший с головы до ног, Петраков постоял немного на месте, а затем осторожно двинулся вперед. Возле мусорных баков он наткнулся на тело мальчика.

Головы у Генри не было, так что узнать его можно было лишь по пестрой рубашке. «Почему воротник темный?» – спросил себя Петраков, а когда понял, вынужден был опереться о стену, чтобы не упасть.

Борясь с тошнотой, он все смотрел и смотрел на маленький труп у своих ног. Шорты и трусы, спущенные до колен, позволяли отчетливо разглядеть еще одно увечье, нанесенное телу Генри. На месте пениса зияла рана, показавшаяся Петракову сквозной дырой. Оттуда сочилась кровь, похожая в темноте на густое варенье из черной смородины.

Рядом сидела крыса, щетинистая мордочка которой была перепачкана этим тошнотворным вареньем. Вокруг нее постепенно собирались остальные, волоча за собой хвосты, похожие на розовых дождевых червей.

«Сейчас меня стошнит», – отрешенно подумал Петраков, ощущая, как недавний ужин бурлит и поднимается в пищевode. Сплюнув тягучую кислую слюну, он топнул ногой.

Крысы отпрянули, но не разбежались. Опасливо поглядывая на них, Петраков наклонился над трупом.

Обыск продлился недолго. В правом кармане шортов Генри хранились орешки, надкушенное печенье и какая-то мелочь. Из левого Петраков выудил сложенные в несколько раз листы белой бумаги. Она была захватана грязными пальцами, а один уголок пропитался кровью.

Вот тогда-то Петракова и вывернуло наизнанку.

Глава 3

Без дипломатического протокола

Проснулся он очень рано, а вернее, толком и не поспал вовсе. Было такое впечатление, что всю ночь ему крутили отрывки какого-то фильма ужасов, местами сюрреалистического, а местами – до отвращения правдоподобного. Перед самым рассветом Петракова стали кромсать ножницами, он вскрикнул и открыл глаза. Понятно, что после такой кошмарной ночи он чувствовал себя усталым и разбитым.

Кое-как приведя себя в порядок, он начал собираться на работу. Супруга сонно спросила, не разогреть ли вчерашнюю пиццу на завтрак, на что Петраков посоветовал ей запихнуть пиццу в такое место, которому не было названия в дипломатическом лексиконе.

- Глупый, – вздохнула супруга. – Сколько можно дуться? Я же только тебя люблю.
- А трахаешься с другими? – завелся с пол-оборота Петраков.
- Только раз и было. И мне совсем не понравилось.
- Тогда продолжай в прежнем духе, шлюха!

Хлопнув дверью, Петраков вышел. Развестись он не мог, потому что неженатых послов быстро задвигают на дипломатические задворки. Приходилось терпеть, хотя постоянное нервное напряжение сказывалось на здоровье. До посольства было каких-то сорок метров, но, преодолев их, Петраков отдувался, будто ему пришлось забираться в кабинет по водосточной трубе. Плехнувшись в кресло, он включил компьютер, а сам стал рассматривать бумаги, найденные при Генри. Это были затемненные черно-белые ксерокопии двух чистых паспортов, выданных двум гражданам Уганды, братьям-близнецам Берри, Джорджу и Джиму. На титульных страницах красовались две физиономии, словно бы намалеванные тушью. Единственное, что можно было утверждать наверняка, так это наличие усов у Джима и бороды у Джорджа. Петраков почти не сомневался, что это и есть те самые братья Беридзе.

Догадку подтвердила секретная электронная депеша, поступившая из Москвы в ответ на сообщение Петракова. Федералы благодарили посла за службу и писали:

ЛИЧНОСТИ ОБОИХ МУЖЧИН УСТАНОВЛЕНЫ. ПАСПОРТА ПРИНАДЛЕЖАТ ГИВИ И ГОГИ БЕРИДЗЕ, СОВЕРШИВШИМ МАССОВОЕ УБИЙСТВО ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. ПОДРОБНОСТИ ВАС НЕ КАСАЮТСЯ, НО СТАВИМ ВАС В ИЗВЕСТНОСТЬ О ТОМ, ЧТО ДЛЯ ОБНАРУЖЕНИЯ БРАТЬЕВ БЕРИДЗЕ НАЧАТА ОПЕРАЦИЯ ПОД КODOVЫМ НАЗВАНИЕМ «КАРА». РУКОВОДСТВО ОПЕРАЦИЕЙ ОСУЩЕСТВЛЯЕТ НАЧАЛЬНИК ШТАБА АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА, ГЕНЕРАЛ АРМИИ ВОРОТНИКОВ.

Дойдя до этого места, Петраков принялся потирать затылок. Удача, которую он так долго ждал, была готова ему улыбнуться. Так или иначе, но посольство будет задействовано при проведении операции, а значит, генерал Воротников не раз услышит фамилию посла. Возможно, она ему запомнится, и тогда – прощай, немытая Уганда!

Петраков заставил себя сосредоточиться на чтении.

ВЫШЕУКАЗАННЫЕ БРАТЬЯ БЕРИДЗЕ СЧИТАЮТСЯ ОСОБО ОПАСНЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ, ТАК ЧТО ПРИНИМАТЬ ПРОТИВ НИХ КАКИЕ-ЛИБО САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВАМ СТРОГО ВОСПРЕЩЕНО. ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАЦИИ В КАМПАЛУ НАПРАВЛЕН СПЕЦИАЛИСТ, КОТОРОМУ ВЫ ДОЛЖНЫ ОКАЗЫВАТЬ

ВСЯЧЕСКОЕ СОДЕЙСТВИЕ. О ВРЕМЕНИ ЕГО ПРИБЫТИЯ И О СПОСОБЕ СВЯЗИ С НИМ ВАМ БУДЕТ СООБЩЕНО ДОПОЛНИТЕЛЬНО.

РУКОВОДСТВО БЛАГОДАРИТ ВАС ЗА БДИТЕЛЬНОСТЬ И ОПЕРАТИВНОСТЬ. ВАША ФАМИЛИЯ ВНЕСЕНА В СПИСОК СОТРУДНИКОВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ К ВЫСОКИМ НАГРАДАМ РОДИНЫ.

Ага, вот оно!

Отстранившись от экрана, Петраков закинул руки за голову и подумал, что не напрасно рисковал вчера жизнью. Его наконец-то заметили и оценили. Очень скоро он будет ходить в героях России.

Усталости как не бывало. Бодро поднявшись с кресла, Петраков подошел к зеркалу и окинул себя критическим взглядом. Откинув голову назад, он прищурился и подвигал ртом, пытаясь придать лицу выражение суровой решимости. Провел пальцем по верхней губе и подумал: «Гм, усы отпустить, что ли?»

* * *

В девять явилась секретарша, подала кофе, принесла свежие газеты. Она была смуглой, как мулатка, и, глядя на нее, невозможно было не думать о том, загорала ли она нагишом или в купальнике. Петраков был уверен, что да. И живо представлял себе, как выделяются интимные места секретарши на загорелом теле. Размолвка с женой давала о себе знать. Посол начинал потихоньку сатанеть от неутоленного желания.

Проводив взглядом ягодицы секретарши, перекатывающиеся под юбкой, Петраков отхлебнул кофе и развернул «Нью вижн». Материал об убийстве Генри напечатали на второй странице, что было уверенным шагом к славе... увы, посмертной. Репортаж назывался «Еще одно ритуальное жертвоприношение ребенка». Автор с труднопроизносимой угандийской фамилией писал:

НАШ ГОРЬКИЙ ОПЫТ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ О ТОМ, ЧТО ПОДОБНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕ РАССЛЕДУЮТСЯ ПОЛИЦИЕЙ И МАЛО ЧТО ДЕЛАЕТСЯ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ЖЕРТВ.

СОГЛАСНО ОТЧЕТУ, ОПУБЛИКОВАННОМУ НЕДАВНО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ CHILDREN OF THE WORLD, ЖЕРТВАМИ РИТУАЛЬНЫХ УБИЙСТВ В НАШЕЙ СТРАНЕ СТАЛИ ОКОЛО 1000 ДЕТЕЙ.

СТРАШНЫЙ РИТУАЛ ОТРЕЗАНИЯ ГОЛОВ И ПОЛОВЫХ ОРГАНОВ, КОТОРЫЙ, КАК СЧИТАЮТ НЕКОТОРЫЕ, ПРИНОСИТ ЗДОРОВЬЕ И ОМОЛАЖИВАЕТ ОРГАНИЗМ, ВОЗВРАЩАЕТ НАС К ВРЕМЕНАМ ДИКООСТИ И ЛЮДОЕДСТВА. ЕСЛИ РАНЬШЕ ПОДОБНОЕ ПРОИСХОДИЛО ЛИШЬ В ОТДАЛЕННЫХ ДЕРЕВНЯХ, ТО ТЕПЕРЬ КРОВАВАЯ ОХОТА ПЕРЕМЕТНУЛАСЬ НА УЛИЦЫ КАМПАЛЫ. КАК ДОЛГО ПРОДЛИТСЯ ЭТОТ УЖАСАЮЩИЙ РАЗГУЛ СУЕВЕРИЯ?

Петраков отложил газету. Если бы кто-то поинтересовался его мнением, он сказал бы, что убийство Генри вовсе не было ритуальным, а суеверия в Африке будут процветать всегда. Петраков прекрасно помнил тот случай, когда толпа восставших с камнями и палками обратила в бегство до зубов вооруженные войска Амина, используя для победы не что-нибудь, а магию. Колдуны снабдили оппозиционеров заговоренными камнями и бутылками самой обычной воды. Чтобы защититься от пуль, следовало лишь повесить камешек на шею и представить, что он увеличился до размеров скалы. Ну а водой рекомендовалось брызгать перед собой, дабы

пули тонули в образовавшихся морях и озерах. И это сработало! Автоматы, пулеметы и даже танки оказались бессильны перед колдовскими чарами. Ни один из восставших не был убит, армия отступила, авторитет колдунов вырос до невероятных масштабов.

«И этот темный народ пытается преодолеть суеверия?» – мысленно спросил Петраков, но ответить на свой риторический вопрос не успел, потому что зазвонил мобильный телефон.

При взгляде на него у Петракова зашевелились волосы на голове, а по коже поползли холодные мурашки. Звонили с телефона Генри, которого, кстати, в карманах у мальчика не было. Значит...

При мысли о том, что это **ЗНАЧИТ** или **МОЖЕТ ЗНАЧИТЬ**, Петраков покрылся ледяной испариной.

«Не отвечай! – надрывался внутренний голос. – Не отвечай, не отвечай, не отвечай!!!»
– Алло, – произнес он в трубку.

Как будто его языком и голосовыми связками управляли с помощью той самой магии, в которую он не верил.

* * *

В кабинете, залитом солнечным светом, сделалось зябко и неудобно. Петраков не верил в загробный мир, он ни на мгновение не допускал возможности того, что ему звонит мертвый мальчишка. Это было бы полбеда. Настоящая беда заключалась в том, что мобильником Генри завладел кто-то из убийц. Иного объяснения звонку Петраков не находил. И он не ошибся.

После зловещей паузы с ним заговорили – заговорили на плохом английском языке, заговорили медленно и уверенно, словно наперед зная реакцию российского дипломата, обливающегося холодным потом в своем кабинете. Слушая голос незнакомца, Петраков проклинал себя за вчерашнюю опрометчивость и уже не мечтал ни о каких наградах. Когда говоривший закончил и поинтересовался, все ли понял мистер Петраков, он подтвердил:

– Понял, понял.

Когда говоривший спросил, принимает ли он выдвинутые условия, Петраков сказал:

– О'кей.

– И тем не менее я повторяю, – произнес незнакомец. – Для лучшего усвоения. Если ты не выполнишь наши требования или попытаешься обманывать нас, то мы сначала заставим тебя сожрать собственный член, а потом отпилим тебе голову самым тупым ножом, какой найдется во всей Уганде. Это не шутка и не розыгрыш. Мы тебя знаем и в случае чего из-под земли достанем.

– Я понял, – тупо повторил Петраков, вспоминая негра, разглядывающего номерной знак «Форда».

– А если ты сделаешь все, как надо, – продолжал незнакомец, – то получишь много денег. Много-много американских долларов. Договорились?

– Да, – сказал Петраков, безуспешно пытаясь обрадоваться услышанной новости.

– Тогда до встречи. Мы ведь обязательно встретимся, друг.

– До свиданья, – выдавил из себя Петраков.

Отключив мобильник, он минут сорок просидел в полной прострации, ничего не делая, ни о чем не думая. Прямо перед ним лежала газета, в которую он уставился, не понимая ни одной прочитанной строчки. Заглянувшая в кабинет секретарша несколько раз обратилась к Петракову, но, не дождавшись ответа, осторожно закрыла за собой дверь. Ей почудилось, что в кабинете сидит мертвец, уставившийся перед собой остановившимся взглядом.

В некотором роде так оно и было. Прежнего Петракова, худо-бедно исполнявшего свой долг перед отчизной, не стало. На его месте сидел очень похожий на него, но совершенно другой человек.

Глава 4

Рука Москвы

Встречая в аэропорту так называемого «специалиста», Петраков рассчитывал увидеть настороженного, сурового мужчину лет сорока и не сразу обратил внимание на достаточно молодого, темноволосого мужчину с большой спортивной сумкой, который стоял в стороне от пассажирского потока, терпеливо дожидаясь, пока к нему подойдут. Увидев на сумке наклейку несуществующей авиакомпании «Аэрорусь», Петраков приблизился и поздоровался. Молодой человек протянул для приветствия не правую, а левую руку, как было предусмотрено организаторами встречи.

– Добро пожаловать в Африку, – улыбнулся Петраков.

Ответной улыбки не последовало. Молодой человек лишь поблагодарил и представился:

– Олег Белов. Ваш временный внештатный сотрудник.

Петракову он не понравился. Подчеркнуто отстраненный, явно заносчивый, самовлюбленный пижон в светло-голубых джинсиках и белой приталенной рубашке. Посланнику Москвы было никак не больше тридцати, а держался он так, словно успел повидать все на свете и дослужился, по крайней мере, до звания полковника. Чересчур смазливый Олег Белов несколько не походил на тех лихих вояк, которые обычно выполняли грязную работу. Глаза его показались Петракову не голубыми, а водянистыми, а легкая небритость – нарочитой. Словно Белов пытался компенсировать недостаток грубой мужественности на своей физиономии героя-любовника.

– Прошу к машине, – сухо произнес Петраков и зашагал вперед, не расщедившись на новую улыбку.

– А в Кампале не жарко, – заметил Белов, идущий позади.

Ах, какие мы наблюдательные!

– Во-первых, это Энтеббе, – сказал Петраков. – До Кампалы тридцать пять километров.

– А во-вторых?

– Во-вторых, хотя мы находимся возле экватора, климат здесь мягкий. Плоскогорье. К тому же озера кругом. Температура здесь никогда не поднимается выше тридцати градусов.

Сообщая эти сведения, Петраков не поворачивал головы. Тон его сохранял ту нейтральную вежливость, к которой прибегают дипломаты, когда хотят выразить собеседнику свое неудовольствие. Белов, разумеется, этого не понял.

– Я видел стадо антилоп, когда мы снижались, – неожиданно произнес он. – И жирафа.

Это прозвучало до того по-детски, что Петраков все-таки оглянулся.

– Да, диких зверей здесь хватает, – подтвердил он. – Слоны, бегемоты, буйволы, леопарды. А самые опасные из них – муха цеце и малярийный комар. Советую приобрести ультразвуковой отпугиватель насекомых или инсектицидную лампу.

Но Белов успел надеть прежнюю маску высокомерного красавчика.

– Я не за покупками приехал, – отрезал он.

Слышать эту отповедь после мальчишеских восторгов по поводу антилоп и жирафов было странно. Петраков пожал плечами, решив не обращать внимания на капризы гостя. Неуравновешенный мальчишка, что с него взять?

– Еще одна напасть – перебои с мобильной связью и Интернетом, – продолжал Петраков как ни в чем не бывало. – И никогда не пейте воду из крана.

– Кто сейчас пьет воду из крана? – удивился Белов.

Они вышли из здания аэропорта, очутившись под открытым небом с полупрозрачными мазками облаков. Вокруг галдели туристы и аборигены, яркие и беспокойные, как тропические

птицы. На этом пестром фоне резко выделялась большая неподвижная фигура темнокожего полицейского в оливковой рубашке с короткими рукавами. Судя по черным погонам, он был майором. Скользя по нему взглядом, Петраков хотел пройти мимо, когда что-то заставило его присмотреться к майору повнимательнее. В грудь его словно всадили осиноый кол. Не в силах сделать ни вдоха, ни выдоха, Петраков зацепился ногой за ногу и замер на месте.

– Что случилось? – сердито спросил Белов, едва не налетевший на него.

Затравленно глядя на приближающегося полицейского, Петраков ничего не ответил.

– Майор столичной криминальной полиции Феликс Кулафье, – представился полицейский.

Петраков и его спутник тоже назвали себя.

– Я хотел бы взглянуть на ваш паспорт, – обратился Кулафье к Белову.

Паспорт Петракова его не интересовал. Он был заочно знаком с русским послом. Они уже виделись вчера ночью, а потом общались по телефону. По поводу смерти Генри и на другие неприятные темы. Петраков не сразу узнал Кулафье, потому что сегодня тот был в полицейской форме, а не в красной майке, обнажающей могучие плечи и бицепсы.

– Пожалуйста, – сказал Белов, протягивая паспорт.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил Кулафье.

Идеальный полицейский, стоящий на страже законов Уганды. Петраков подавил нервный смех. Он все сильнее и сильнее убеждался в том, что измена жены – не самая большая беда, которая может приключиться в Африке.

* * *

Лейтенанту Олегу Белову не нравился полисмен, не нравился посол, не нравился аэропорт, да и сама Уганда ему тоже не нравилась. А ведь в детстве (не таком уж недавнем) он мечтал побывать в Африке, которую воображал похожей на страну вечных приключений в стиле Индианы Джонса.

Причина недовольства крылась не в местном колорите, а в характере задания, полученного лейтенантом. Предстояла ЛИКВИДАЦИЯ. Его прислали в качестве ИСТРЕБИТЕЛЯ. По сути, он был киллером. В роли заказчика выступало государство.

Не то чтобы Белов жалел братьев Беридзе, расстрелявших несколько десятков детей на побережье Черного моря. Подобно всякому нормальному человеку, он ненавидел их лютой ненавистью и проголосовал бы за их казнь обеими руками. Все дело в том, что Белову предстояло расправиться с братьями СОБСТВЕННОРУЧНО. Это в корне меняло дело. Несмотря на службу в спецназе Антитеррористического Центра, лейтенанту еще ни разу не доводилось убивать людей. Стрелять – он стрелял, причем великолепно, в том числе по живым мишеням. Однако вести огонь с дальней дистанции – это одно, а стрелять в людей в упор – совсем другое.

Короче говоря, Белов терзался сомнениями, сумеет ли он выполнить приказ или нет. Он чувствовал себя, как плохой ученик перед экзаменом, только в сто раз хуже. Отсюда была его нервозность и некоторая заносчивость. Таким образом Белов скрывал свое истинное состояние. От окружающих и от самого себя.

– Отчего этот полицейский ко мне прицепился? – спросил он, когда, получив свой паспорт обратно, шел к парковке рядом с Петраковым.

Посол казался совершенно больным. Его лицо было серым и влажным, он беспрестанно облизывал маленькие губы таким же маленьким, острым языком.

«Что с ним? – обеспокоенно подумал Белов. – Заболел, что ли?»

– Обычная проверка документов, – пробормотал Петраков, открывая желтый «Форд».

– Но у вас-то паспорт не попросили, – напомнил Белов. – И не спросили, где вы намереваетесь остановиться.

– Ну и что? – Петраков пожал плечами. – Я здесь давно примелькался. А вы – человек новый, к тому же из России. Так что интерес майора Кулафье к вашей персоне оправдан.

– А я вот не запомнил, как его зовут.

Петраков опустил голову, поправляя коврик перед водительским сиденьем.

– Очень плохо, – буркнул он. – Люди нашей профессии обязаны помнить каждую мелочь.

– У нас разные профессии, – сказал Белов, усаживаясь на переднее сиденье.

Сумку он взгромоздил на колени. Можно было сунуть ее в багажник или на заднее сиденье, но Петраков предлагать не стал. У него расстроился желудок и, кажется, началась аллергия на московского пижона. Тоже мне, «рука Москвы»!

– А знаете, – сказал Петраков, включая зажигание, – последнему обстоятельству я несказанно рад.

– Я тоже, – обронил Белов и умолк, уставившись прямо перед собой.

На язык так и просилась какая-нибудь колкость, но Петраков лишь покрепче стиснул зубы. Вовсе ни к чему ссориться с человеком, присланным по распоряжению самого Воротинова. Разумнее наладить с Беловым хорошие отношения. Ведь если он не будет доверять Петракову, то майор Кулафье может рассердиться, а тогда...

Петраков заставил себя не думать, что будет ТОГДА. Ведь по натуре он был оптимистом, а не пессимистом. Ну, старался быть. И до вчерашнего дня это у него худо-бедно получалось.

Гоня прочь тягостные мысли, Петраков смотрел на привычный пейзаж: буйволы, пасущиеся вдоль обочин, крестьяне на грядках с уклоном градусов в шестьдесят, грудастые негр-тянки, кормящие своих похожих на обезьянок младенцев, продавцы огромных гроздьев бананов, подростки, моющие свои грязные мопеды в не менее грязных лужах. Но главное занятие сельского населения заключалось в том, чтобы, сидя возле своих убогих хижин, пялиться на проезжающий транспорт. Нет, это была не та страна, которая могла явить миру новое экономическое чудо...

Двухполосная дорога не позволяла развить приличную скорость, поэтому порой приходилось тащиться то за медлительным автобусом, то за маршруткой, разваливающейся прямо на ходу. Кроме того, в асфальте зияли выбоины, а шоссе то и дело пересекали «лежачие полицейские», размещенные в самых неожиданных местах. Ведя машину, Петраков нервно кусал свои маленькие губки и отмалчивался. Лишь добравшись до центра Кампалы, он овладел собой настолько, чтобы начать делать комментарии по поводу местных достопримечательностей. Показал гостю торговый комплекс «Оазис», вполне современный супермаркет «Накуматт», затесавшийся в скопление обшарпанных домишек, облюбованный рынок сувениров на пересечении Колвии-стрит и Кимати-авеню.

Слушая гида, Олег Белов ничем не выдавал своего любопытства. Оживился он лишь при виде демонстрации на площади, на которую обрушились мощные струи водометов.

– Почему вода розовая? – спросил он, глядя в окно.

– Таким образом власти помечают недовольных, чтобы отлавливать их после демонстрации, – пояснил Петраков. – Краска несмываемая. России не мешало бы взять этот прием на вооружение.

– Россия – не Уганда, – сказал Белов. – Против чего протестуют эти люди?

– Президент Мусевени им не нравится, – ответил Петраков. – Всегда чем-то недовольны. Забыли, как предшественник Мусевени скармливал оппозиционеров крокодилам или приказывал сбрасывать их в водопад. – Он хихикнул. – Кстати о крокодилах. Я ужасно проголодался. Приглашаю вас пообедать в одном замечательном ресторане. Заодно обсудим дела.

– Неплохая идея, – согласился Белов. – Главное, своевременная.

Было непонятно, к чему относится это замечание: к совместной трапезе или к предложению обсудить дела. А может быть, москвич намекал, что ему надоело болтать на отвлеченные темы?

Петраков обиделся, однако заставил себя изобразить улыбку. Самую широкую, на которую был способен.

* * *

Замечательный, по мнению Петракова, ресторан представлял собой открытую площадку, слегка затуманенную горьковатым дымом от гриля. Усевшись за стол, Белов ощутил толчок и увидел громадного пса весом, наверное, в целый центнер. Бодая косматой башкой стулья посетителей, африканский полкан требовал к себе внимания. Боязливые посетители покорно гладили его по свалывшейся шерсти и скармливали ему объедки. Белов ограничился тем, что пнул раскормленную тушу под ребра. Разочарованно взглянув на него, пес отправился на поиски более сговорчивых двуногих друзей.

Выбирать блюда он предоставил спутнику, предупредив только, что излишнюю экзотику не одобряет. Кисло улыбнувшись, Петраков сделал заказ, после чего решил провести небольшую политинформацию.

– Вообще-то, – сказал он, – не удивительно, что террористы нашли убежище в Уганде. Тут царят дикость и беззаконие.

– Почему их паспортами занимается генерал Тананзе? – спросил Белов, убедившись, что их никто не слышит.

– Ну, генерал – не совсем генерал, – сказал Петраков. – Он давно в отставке. До этого был правой рукой Йовери Мусевени. Его солдаты подавляли восстания на севере страны. Сжигали деревни вместе с жителями, насиловали, пытали, убивали. Потом Тананзе подал в отставку, поселился в загородном дворце и стал наслаждаться награбленным добром. Теперь в Уганде он самый богатый и уважаемый человек после президента. Но, думаю, запасы его сокровищ постепенно истощаются. Вот почему он взял террористов под свое покровительство. За деньги. За большие деньги.

– А мальчик как туда попал? – поинтересовался Белов.

– Генри, он, э-э...

Петраков умолк, гадая, как назвать Генри: ПРОСТИТУТКОЙ? ПРОСТИТУТОМ?

– Он занимается проституцией, – нашелся Петраков. – Тананзе специализируется на мальчиках, понимаете, что я имею в виду?

– Понимаю.

– Вот я и подсунил ему Генри.

– А ему отрезали голову, – кивнул Белов.

– А не надо было сбегать! – запальчиво воскликнул Петраков и тут же понизил голос: – Я не виноват, что он захотел передать мне копии как можно быстрее. Кстати о копиях. Хотите на них взглянуть?

Оглянувшись, посол приготовился запустить руку во внутренний карман пиджака. Белов остановил его жестом:

– Я видел отсканированные снимки. В Москве.

– Ах да, конечно.

Мужчины замолчали, ожидая, пока официант расставит на столе принесенные блюда. Главным из них был своеобразный африканский гуляш из курятины, сушеной рыбы и сладкого картофеля. Вместо хлеба полагались кукурузные лепешки с овощной начинкой, а роль десерта выполняли вареные бананы в меду. Пиво тоже подали банановое. Все это разнообразие стоило не дороже обеда в привокзальной забегаловке.

Вначале Петраков намеревался угостить гостя по-настоящему роскошным обедом, но потом передумал. Уж слишком сильно Белов задирает нос. Вел себя так, будто был полновластным хозяином положения.

Не будучи психологом и знатоком человеческих душ, Петраков не понимал, что Белов лишь напускает на себя важный вид. В действительности он испытывал все большую и большую неловкость и оттого, что общается с послом в подобном тоне, и от собственной скованности, и потому, что не знал, как будет добираться до братьев Беридзе. В сущности, он был еще неопытным юнцом, все подвиги которого совершались на полигонах и в учебных классах. В свои двадцать девять лет Белов не был женат и не имел постоянной подруги, которую можно было бы назвать «своей». Он еще робел перед отцом и нуждался в материнской ласке. Здесь, в Уганде, ему предстояло стать не просто мужчиной, а воином, готовым пролить кровь собственную и способным пустить кровь чужую. Вот что его пугало. Он боялся, что не сумеет совершить то, что требовали от него командиры, долг, родина.

Белов видел снимки детей, расстрелянных в Лазаревском, однако не побывал на месте преступления и не заглянул в глаза безутешных родителей. Он был осведомлен о том, как погиб малолетний информатор Генри, но не представлял себе, как выглядит обезглавленный и кастрированный труп подростка. По этой причине ненависть к убийцам, испытываемая Олегом Беловым, была не настоящей. Он ненавидел их, как ненавидят подонков все нормальные люди. А тут требовалось гораздо более глубокое, сильное, всепоглощающее чувство. Чувство, позволяющее нажимать на спусковой крючок без малейших угрызений совести.

– Зачем Беридзе понадобились угандийские паспорта? – спросил он, ковыряя ложечкой сладкую закуску. – Думаете, они решили остаться здесь?

– Нет, – покачал головой Петраков, давно разделавшийся со своей порцией. – Я полагаю, что паспорта нужны им для того, чтобы уехать и затеряться в каком-нибудь уголке земли. Если они до сих пор не уехали.

Белов почувствовал, как в его груди затеплилась надежда. Отъезд братьев Беридзе из Уганды, конечно, не отменит операции «Кара», санкционированной самим президентом России, но скорее всего Антитеррористический Центр отправит в погоню кого-нибудь другого или хотя бы обеспечит Белова надежными напарниками. Скрывая свою мелкую, эгоистическую радость, он нахмурился и строго осведомился:

– Вы приняли какие-то меры, чтобы не дать им уйти?

– У меня нет возможности проводить силовые операции, – начал оправдываться Петраков. – В моем подчинении всего три кадровых разведчика, да и те не годятся для оперативной работы.

– Вы ведь тоже разведчик?

– Да, но мои обязанности состоят главным образом в прослушивании бесед между посольствами, а также в том, чтобы убеждать президента Мусевени смягчать диктаторский режим. – Воровато оглянувшись, Петраков наклонился к Белову: – Хотя его воинственные замашки России только на руку. «Уолл-стрит джорнал» утверждает, что недавно Уганда приобрела партию российских истребителей и танков на полмиллиарда долларов. Естественно, российская сторона это отрицает, но...

Петраков подмигнул. Белов снова нахмурился и принялся вытирать губы салфеткой.

Принесли кофе с теплой, аппетитно пахнущей выпечкой. Петраков тут же впился в булочку зубами. Белов свою щипал и совал крошки в рот, явно не чувствуя вкуса.

– Я должен точно знать, где сейчас находятся братья Беридзе, – пробормотал он.

– Если они еще здесь, то как вы с ними поступите? – поинтересовался Петраков.

Белов посмотрел ему в глаза. Его взгляд был непроницаем.

– Я получил инструкции, – сказал он. – И мне понадобится хороший пистолет, как вас, должно быть, предупредили.

«Такой молодой, а уже убийца, – подумал Петраков. – Безжалостный, хладнокровный».

– Насколько я понял, участь Брейвика им не грозит, – пробормотал он.

– Мы не в Норвегии. – Белов пожал плечами. – Там Брейвик получил по три-четыре месяца за убийство каждого подростка. Срок отбывает в санаторных условиях, выйдет из тюрьмы не молодым, но отнюдь не дряхлым человеком.

– Наверное, это и есть гуманизм.

– По отношению к кому? К Брейвику? А почему не по отношению к жертвам и их родным? Государство не сумело сохранить жизнь детей, зато печется о благополучии убийцы. Гнилой какой-то гуманизм получается.

Не найдясь с ответом, Петраков решил задать вопрос:

– Вы собираетесь проникнуть в резиденцию Тананзе?

Белов пожал плечами. «Да не знаю я, что собираюсь делать, не знаю!» – пронеслось у него в голове.

– Война план покажет, – буркнул он.

«Цедит слова сквозь зубы, давая понять, что я лезу не в свое дело», – подумал Петраков.

Не сговариваясь, они полезли за бумажниками. Петраков успел первым, сунув в меню деньги с умеренными чаевыми. Мужчины встали и пошли к выходу.

– Пока что мне нужна информация, – сказал Белов. – Любая. Чем больше, тем лучше. Как сами понимаете, раздобыть ее самостоятельно я не могу. Для меня это чужая страна, и я здесь никого не знаю.

«Ага, поджал хвост!» – торжествуя подумал Петраков.

– Я сведу вас с одной местной красоткой, помогавшей мне в щекотливых вопросах, – пообещал он. – Ее зовут Дада. Местная журналистка из газеты «Инсайд Уганда». Разузнает все, что потребуется, и возьмет не очень дорого. Также может оказаться полезным другой журналист, Айк Келли.

– Англичанин?

– Американец. Но на родину не спешит. У него тут любовная связь образовалась. У него и любовницы на родине семьи, а здесь им никто не мешает.

Белов кивнул, подбирая слова для следующей, жизненно важной просьбы. Излагая ее, он перешел на небрежный тон, каким, в его представлении, должны разговаривать бывалые киллеры:

– И вот еще что, чуть не забыл. Наперед никогда не знаешь, как сложатся обстоятельства. Возможно, для силовой акции мне понадобится помощник. Не из числа служащих посольства. Ведь речь идет о нелегальной акции. Есть у вас на примете подходящая кандидатура?

– Есть, – подтвердил Петраков, пропуская спутника вперед. – Но я не советовал бы прибегать к его услугам. Тип опасный, непредсказуемый и абсолютно неуправляемый. Настоящий голловорез.

Впервые за всю беседу Белов стал выглядеть заинтересованным и оживленным.

– Кто такой? – быстро спросил он.

– Один бывший украинский прапорщик, – неохотно ответил Петраков. – Фамилия Приходько, зовут Остап. Во время очередной гражданской он подрядился военным консультантом, заработал неплохие деньги и остался. Во-первых, пристрастился к чернокожим женщинам. Во-вторых, на родине его ждет трибунал, потому что из украинской армии он дезертировал. И вообще, думаю, за ним много чего числится. Одно слово: наемник.

– Как его найти?

– Он обосновался среди дикой природы, возле живописного озера. Я сброшу вам на мобильник адрес и маршрут.

– На чем туда можно добраться? – не унимался Белов.

Губы Петракова растянулись в сдержанной пятисантиметровой улыбке.

– На служебном автомобиле, – сказал он, вручая Белову ключи. – Для вашего удобства я распорядился установить электронный навигатор. Теперь не заблудитесь.

– Спасибо, – с чувством произнес Белов.

Его очень воодушевило известие о существовании опытного наемника-головореза. Он надеялся получить от Приходько как минимум несколько дельных советов, не говоря уже о реальном содействии. Город засверкал новыми красками, посол оказался вполне милым человеком.

– Ваш «Субару» стоит на стоянке у отеля «Сирена», – продолжал этот милый и дружелюбный человек. – Там вам забронирован номер. Отель приличный, находится почти в самом центре. Бесплатная парковка, Интернет, собственная служба безопасности, круглосуточный обмен валюты. Не вздумайте менять деньги у таксистов или в лавках. – Лицо Петракова приняло озабоченное выражение. – Надуют, как пить дать надуют. Курс шиллинга к доллару знаете?

– Поинтересовался, – закивал Белов, которому после долгого перелета и сытного обеда захотелось остаться одному.

– Вас подбросить? Или пешком дойдете? Минут десять ходьбы. По прямой.

Петраков вытянул руку, указывая направление. Было видно, что он тоже подустал от общения.

– Я сам, – сказал Белов, улыбнувшись.

– И правильно. Заодно город посмотрите.

– Конечно.

Улыбка Белова сделалась напряженной. Каким бы милым и предупредительным человеком ни был посол, его общество начинало угнетать все сильнее и сильнее.

– Тогда до встречи.

Петраков протянул руку. Белов ее пожал.

– До встречи, – сказал он. – Про пистолет не забудьте.

Уже без улыбки он повернулся к Петракову спиной и быстро пошел прочь.

«Скотина неблагодарная», – подумал Петраков, злобно глядя ему вслед.

Глава 5

Крокодилы, девушки и кузнечики

Гостиничный номер был забронирован на неделю и стоил шестьдесят пять долларов в сутки. Оплачены были только первые три дня, остальное предложили внести Белову. Как ни стремилась Африка в мировое содружество цивилизованных стран, а плату здесь брали вперед.

«А Петраков этот жмот», – решил Белов, отходя от стойки. Возможно, в мыслях он награждал бы посла еще парочкой нелестных эпитетов, но тут его связные размышления как ножом отрезало.

В холле, скрестив руки на груди, стоял тот самый майор Кулафье, который проверял паспорт Белова в аэропорту. Подмышки его оливковой рубахи были мокрыми, а сам он походил на темное гранитное изваяние, обряженное в полицейскую форму. Будучи на полголовы выше Белова, он взирал на него сверху вниз, не скрывая ядовитой, презрительной усмешки. Его глаза были закрыты классическими черными очками, хотя солнце внутри отеля не светило. Из рта торчала зубочистка. Видимо, майор Кулафье посмотрел не один фильм про американских копов и перенял оттуда много важного для себя.

Хотя Белов подумал об этом с иронией, смешно ему не было, особенно когда, направляясь к лифту, он был вынужден пройти почти вплотную к майору. Эта пропахшая кислым потом гора мышц под названием Кулафье почти осязаемо давила на него. Разминувшись с ней, Белов почувствовал себя маленьким и никчемным, словно не было долгих лет упорных тренировок, рукопашных боев и психологических тренингов.

Ненавидя себя за слабость, Белов вызвал лифт. Прежде чем войти в кабину, он оглянулся и увидел, что Кулафье направляется к выходу. Видимо, ощутив спиной взгляд Белова, он тоже оглянулся. Какое-то мгновение двое мужчин, черный и белый, смотрели друг на друга, а потом они одновременно отвернулись. Кулафье исчез из виду, Белов поднялся на свой этаж. Тревога, вызванная столкновением в вестибюле, была столь сильной, что его слегка подташнивало. Или это был запоздалый привет от местных кулинаров?

Приняв душ, Белов, не одеваясь, уселся на кровать, занимающую почти всю комнату, выдержанную в кремово-бежевых тонах, включил ноутбук, вошел в секретную базу данных и ввел запрос на Феликса Кулафье. Биографические данные его интересовали мало, поэтому он просто пробежал их глазами, отметив про себя разве что дату рождения и лестный тон характеристик майора. А вот компромат при всей своей скудности увлек Белова куда сильнее. Оказалось, что уже давно Кулафье с потрохами куплен генералом Тананзе, использующим его звания и полномочия в личных (и, разумеется, корыстных) целях. Иногда майор выполнял функции телохранителя генерала, иногда дырявил тела генеральских недругов, но в любом случае перечень его подвигов свидетельствовал о высоком профессионализме Феликса Кулафье.

Такого противника можно было не только опасаться, но и уважать, если бы не несколько заключительных абзацев досье. Там говорилось, что Кулафье плюс два его сообщника, сержанты Шабан Вантариза и Сатори М'Биа, подозреваются в похищениях и убийствах детей с целью продажи некоторых их органов колдунам для жертвоприношений. Взглянув на снимки, Белов поспешил закрыть электронное досье и подумал, что оружием следует запастись как можно быстрее.

– Не ходите, дети, в Африку гулять, – пробормотал он одеваясь. Хотелось на свежий воздух. Еще больше хотелось домой, но, увы, это желание было неисполнимо.

* * *

Наличие навигатора здорово облегчало поездку по улицам Кампалы, где указатели встречались так же редко, как светофоры, которые практически отсутствовали.

Вырвавшись из города, Белов впервые увидел воочию африканский грузовик с целой горой тюков и мешков, наваленных в кузов. На вершине этой опасно накренившейся башни как ни в чем не бывало восседали два туземца и азартно спорили о чем-то, помогая себе жестами.

Обогнав грузовик, Белов поехал по холмистой местности, невольно проникаясь романтическим настроением. Даже красноватая пыль казалась какой-то праздничной на фоне яркой синевы и сочной зелени.

Когда равнина закончилась, дорога нырнула в ущелье между двумя величавыми холмами, а вскоре перед глазами раскинулось огромное небесно-голубое озеро Вамала с россыпью безымянных изумрудных островов. Путь сюда занял около часа, а еще минут двадцать потребовалось для того, чтобы отыскать бунгало Приходько, затерявшееся среди тропических деревьев.

Ни ограды, ни ворот не было. Затормозив шагах в двадцати от крыльца, Белов выбрался из машины, сплюнул и увидел, что слюна стала оранжевой от пыли.

– Эй! – окликнул он. – Из энибоди хоум?

Никто ему не ответил. Только пестрые птицы орали, носясь среди крон деревьев. Пока Белов дожидался снаружи, через лужайку пробежала стайка небольших обезьян, похожих на кошек с необычайно длинными хвостами. Они смотрели на пришельца без страха и любопытства. Обезьяны чувствовали себя в Африке полноправными царями природы.

– Из энибоди хоум? – повторил Белов громче. – Кто-нибудь дома?

Он говорил на английском языке, предполагая, что на зов могут явиться слуги Приходько, не знающие ни русского, ни украинского языка. Но никто не выглянул в окно, никто не вышел из дома.

– Если гора не идет к Магомету... – пробормотал Белов, поднялся по ступенькам и толкнул дверь.

Большой, беспорядочно обставленный холл был пуст. Беззвучно работал телевизор, на экране которого вертели попками поп-дивы, которые якобы еще и пели. Над остатками трапезы на столе кружились мухи. По углам стрекотали цикады.

Сделав пару шагов, Белов насторожился. В глубине бунгало ему почудился сдавленный стон, а потом вновь стало тихо. Машинально поискав пистолет, Белов вспомнил, что он безоружен, и замер в нерешительности. Идти дальше или воздержаться? Не будь этой поездки по Африке, воскресившей детскую страсть к приключениям, благоразумие взяло бы верх, и он отступил бы за пределы чужого дома, все происходящее в котором его по идее не касалось. Однако, поколебавшись, Белов двинулся вперед.

Он шел крадучись, бесшумный, как ниндзя, обратившийся в зрение и слух, напряженный, готовый к любым неожиданностям. В очертаниях его красивого, почти женственного лица проступило что-то новое, хищное, опасное. Ноздри и глаза сузились, скулы проступили резче, губы вытянулись в прямую тонкую линию.

За неплотно прикрытой дверью, к которой он приблизился, раздался новый стон. Голос принадлежал мужчине. Кто-то его истязал? Он ранен? При смерти?

Миллиметр за миллиметром Белов начал приоткрывать дверь, когда душераздирающий вопль заставил его оцепенеть и похолодеть, словно его окатили ведром ледяной воды. Кричала женщина. Кричала так, как будто с нее живьем сдирали кожу.

Распахнув дверь, Белов ворвался в комнату, рассчитывая ошеломить возможных противников, выигрывая драгоценные секунды для того, чтобы завладеть чужим оружием. Он больше

не колебался, как все время после получения задания. Если бы пришлось убивать, он сделал бы это, не задумываясь.

В поле его зрения возникла широченная кровать под розовым атласным покрывалом. На кровати боролись две человеческие фигуры: бронзовая, мощная, и кофейно-коричневая, стройная и гибкая. На Белова уставились две пары глаз, лихорадочно поблескивающих на обращенных к нему лицах. Одно принадлежало белому мужчине с детским чубчиком на голом бугристом черепе. Второе лицо было женским, молодым и очень привлекательным, несмотря на характерные негритянские черты или же благодаря им. Неудобно вывернув голову, негритянка взвизгнула.

До Белова еще не вполне дошло, что эта пара всего лишь сношалась, причем явно по обоюдному согласию, когда голый мужчина с чубчиком скатился с кровати и тут же вскочил на ноги, словно подброшенный невидимым батутотом. В руках у него была двустволка, с которой он обращался чертовски ловко.

– Don't shoot, Ostar! – крикнула кофейная женщина.

Тот, кого она назвала Остапом, не внял ее призыву не стрелять. Наоборот, он проворно вскинул ружье к плечу, целясь Белову в грудь.

«Так это же Приходько!» – понял он, падая на спину.

Тут же прогремел выстрел, и над Беловым пронеслась россыпь раскаленной картечи, проломившей шкаф и изрешетившей дверцы сверху донизу. Белов, упавший с таким расчетом, чтобы выкатиться из комнаты кувырком до того, как Приходько прицелится снова, понял, что делать этого не следует. Из двустволки, заряженной картечью, совсем не обязательно ловить мишень на мушку, особенно такую близкую и крупную. Знай себе, пали, перезаряжай да соскребай останки жертвы с половиц и стенок.

Эти мысли пронеслись в голове Белова со скоростью, не уступающей той, с которой вылетели кусочки металла из ружейного ствола. Лежа на спине, он подцепил ногами розовый пуфик и с проворством эквилибриста метнул его в Приходько. Выстрел отбросил пуфик в обратном направлении. Еще до того, как он упал на пол, Белов вскочил и, прикрыв руками голову, вывалился из спальни сквозь зашторенное окно.

Плотная материя и стремительность, с которой он прыгнул, уберегли его от травм и порезов. Слыша, как со звоном рушится стекло за его спиной, Белов во все лопатки припустился к зарослям. Садиться в машину, включать зажигание и разворачиваться было некогда. Приходько уже бежал за ним, пытая:

– Стой! Стой, падлюка!

Если это был украинский язык, то не вполне чистый.

Оглянувшись, Белов убедился, что Приходько не стал тратить время на перезарядку двустволки или одевание, а гонится за ним нагишом, угрожающе размахивая мачете длиной с римский меч. Не сбавляя темпа, Белов рассекал листву и стебли, подобно живому снаряду, выпущенному из пращи. Полное незнание местности работало не в его пользу, но Приходько ринулся в погоню босиком, и это уравнивало их шансы.

Продравшись сквозь очередной кустарник, Белов оттолкнулся от земли, чтобы развить прежнюю скорость, но...

...вместо того, чтобы побежать дальше...

...лишь бестолково перебирал ногами в воздухе.

Сразу за кустами притаился крутой, высокий обрыв, и теперь Белов падал вниз под злорадный хохот Приходько.

* * *

Свободный полет продлился где-то полторы секунды. Это означало, что обрыв был высотой метров тринадцать-пятнадцать. И не собрать бы Олегу Белову косточек, если бы не озеро, поджидавшее его внизу.

Плоф-ф!

Погрузившись в воду с головой, Белов врезался ступнями в илистое дно, но падение было смягчено настолько, что обошлось даже без вывихов.

Вынырнув, он протер глаза и задрал голову вверх, выискивая там Приходько. Однако украинец куда-то запропастился. Судя по его настырности, вряд ли отправился восвояси. Скорее всего торопился вниз по какой-нибудь знакомой тропинке.

Плавал Белов отлично и вообще чувствовал себя в воде как рыба, поэтому не стал спешить выбираться на сушу. Здесь у него было больше шансов справиться с вооруженным противником. Мачете, конечно, штука серьезная, но в воде им особенно не помашешь.

Оглядывая берег, Белов выплюнул затхлую воду изо рта.

Приходько появился справа, прыгая по валунам с ловкостью человекообразной обезьяны. Сходство усиливали его мускулистые, но коротковатые ноги, мохнатая грудь и тот самый хохолок на бритой голове, поразивший Белова еще в спальне. Лет четыреста назад – где-нибудь в Запорожской Сечи – эта прическа никому не показалась бы странной, но здесь, в дебрях Африки, где никогда не ступала нога казака, чубчик смотрелся весьма экстравагантно. Тем более что его обладатель был в чем мать родила. Не проявляя желания лезть в озеро, он уселся на камне и уставился на Белова с нехорошей улыбкой.

Вода была довольно теплая, так что продержаться в ней можно было хоть до утра. Легкая обувь и одежда почти не стесняли движений. Однако превращаться в водоплавающее не хотелось. Было в положении Белова что-то унижительное.

Следя краем глаза за отставным прапорщиком, он повернул голову вправо, потом влево, обдумывая возможность выбраться из озера где-то дальше. Он бы давно поступил так, если бы не машина, оставшаяся возле бунгало. Как быть? Атаковать Приходько? Но тот вряд ли позволит Белову вскарабкаться на крутой берег. Пустит в ход оружие или забросает камнями. Что же делать? Неужто и впрямь торчать в воде до темноты? Уже вечерело, и небосвод на западе приобрел цвет далекого зарева.словно где-то там, за горизонтом, полыхал огромный пожар. Стаи птиц казались на этом фоне кружащимися хлопьями сажи.

– Ну, и чего ты ко мне привязался? – спросил Белов, решив попытаться установить перемирие.

Его вопрос произвел на Приходько ошеломляющий эффект. Его нижняя челюсть отвисла, а глаза сделались круглыми.

– Москаль? – спросил он.

«Попал, – пронеслось в голове Белова. – Это же хохол, отпетый бандеровец. Впитал ненависть к русским с молоком матери».

– Из Москвы, а что? – с вызовом произнес Белов.

– Тю! – Приходько выпрямился во весь рост, не стесняясь своей наготы. – Так ты свой? Чего ж раньше молчал?

– Я думал, ты русских терпеть не можешь.

– Та чего мне с вами делить? Я ж родом из Запорожья, не с Львовщины какой.

И в самом деле, изъяснялся он не на украинском языке, а на суржике, режущем слух, но вполне доходчивом.

– Плыви сюда, – предложил Приходько, держа свой нож без всякой воинственности.

Белов колебался. Внезапно глаза отставного прапорщика не просто округлились, а вылезли из орбит, сделавшись огромными, как у лемура.

– СКОРЕЙ!!! – гаркнул он.

Оглянувшись, Белов увидел рифленую темно-зеленую торпеду, стремительно приближающуюся к нему. Это был крокодил, которого, вопреки общепринятому представлению, никак нельзя было спутать с полузатонувшим бревном. Его приплюснутое рыло рассекало воду, оставляя на поверхности серебристый клин.

Едва не захлебнувшийся Белов рванулся к берегу так, что только руки замелькали, а позади образовался кипящий бурун, как за кормой катера. Но вряд ли он успел бы выбраться на глинистый откос, если бы не пятерня Приходько, поймавшая его за шиворот. Рывок, и Белов был выдернут из озера, словно овощ из грядки. Зубастая пасть крокодила щелкнула там, где его уже не было.

– Здоровенный, – оценил Белов, убравшись на безопасное расстояние.

– Тут зверюги раза в два больше водятся, – похвастался Приходько.

Букву «г» он выговаривал так мягко, что получилось: «зверюхи».

– Что ж не предупредил? – спросил Белов, проверяя, на месте ли водонепроницаемый смартфон, номер которого служил секретным кодом для связи с Центром.

– А я ждал, пока крокодилы тебя сожрут, – признался Приходько.

Да, некоторые люди не переносят тех, кто вмешивается в их личную жизнь, да еще столь бесцеремонно.

– За то, что я тебе кайф сломал? – предположил Белов.

Приходько помотал головой.

– Та не, – возразил он, – кайф я поймать успел.

– Тогда в чем причина?

Задавая вопрос, Белов смотрел на крокодила, крутящегося на том месте, где от него ушла добыча.

– Я думал, ты с Интерпола или британец какой, – пояснил Приходько. – Национальность у тебя на лбу не написана, а Ми-6 давно грозились по мою душу какого-нибудь «ноль-ноль семь» прислать. Я им тут много крови попортил, когда они переворот затеяли. В смысле, демократическую революцию.

Белов швырнул в крокодила камень, который отлетел от него, как от танковой брони. Приходько, поднатужившись, оторвал от земли валун величиной с хорошую подушку.

– Так ты, выходит, за диктаторский режим? – спросил Белов, следя за крокодилом.

Демонстрируя свою мощь, тот хлестнул по воде зазубренным хвостом.

– Я за гроши, – прохрипел Приходько, вскидывая валун на уровень груди. – За мании.

Не добросит, прикинул Белов.

Валун обрушился в озеро, подняв фонтан брызг и взбаламутив воду настолько, что невозможно было понять, попал он в рептилию или нет.

– А режимы мне до одного места, – закончил мысль Приходько, отряхивая ладони, чтобы выразительно хлопнуть себя по внушительной ягодице. – Все они одинаковые. Как крокодилы эти. Ишь, скалитесь, курва.

Он кивнул в сторону озера, и Белов увидел, что целый и невредимый крокодил снова высунулся из воды, следя за людьми желтым глазом. Чем-то он напоминал большую глупую лягушку, продолжающую торчать на месте, несмотря на то, что в нее швыряют камнями.

– А Украина? – полюбопытствовал Белов. – В ней все-таки порядки лучше?

– С чего ты взял? – удивился Приходько.

– Ты ведь националист? Я хотел сказать, украинский патриот.

– Кто? Я?

– Ну не я же.

– С чего ты взял? – повторил Приходько.

– Прическа, – сказал Белов, пошевелив пальцами там, где у прапорщика торчал чуб. – Как у запорожца за Дунаем.

Рядом с первым крокодилом вынырнул второй, раза в полтора больше. Глядя на людей одним глазом, он бочком поплыл к берегу. Приходько метнул в него сук. Крокодил поймал его на лету, только обломки полетели из пасти.

– Прическу мне краля моя сделала, Джек, – пояснил Приходько. – Сказала, что у себя в Мбале была парикмахершей. Я доверился. И вот результат. – Он провел ладонью по бритому черепу. – Пришлось самому убирать все эти пучки и ключья. Бритвой.

– А чуб?

– Не лысому же ходить. Я тебе не Котовский.

Белов не выдержал и ухмыльнулся:

– Говорят, Котовский в штанах ходил.

Приходько опустил взгляд, посмотрел на Белова и ухмыльнулся тоже:

– Я бы тоже в штанах ходил. Если бы ты ко мне в спальню не приперся в самый интересный момент.

– Я не нарочно.

– Это я понял. Айда домой. – Приходько по-свойски мотнул головой. – Выпьем, закусим, погутарим. Ты ж ко мне не просто так появился?

– Не просто, – подтвердил Белов.

– Вот и я так думаю. Тебя как звать?

– Олег.

– Жалко, что не Андрей. Я Остап. Были бы как те сыны Тараса Бульбы. Слышал про такого?

– В школе проходили.

Они снова обменялись улыбками, словно добрые товарищи, встретившиеся после долгой разлуки.

– Ну, пошли, – скомандовал Приходько.

Он начал было подниматься по тропе, пролегающей вдоль крутого откоса, когда какая-то мысль заставила его остановиться:

– Знаешь что, давай-ка лучше ты первый. Хлопец ты вроде неплохой, но кто тебя знает. Может, ты из этих, из меньшинств сексуальных.

– Из большинства, – сказал Белов. – Но пойду все же впереди. Неохота всю дорогу твоей тыльной частью любоваться.

Они расхохотались и, продолжая посмеиваться, проворно вскарабкались на вершину обрыва, откуда Белов сиганул в озеро к крокодилам, спасаясь от преследующего его Приходько.

Казалось, это было давным-давно.

* * *

Ром был превосходный, в меру сладкий, душистый, обжигающий. Мужчины расположились на веранде, включив большой фонарь во дворе в качестве отвлекающего фактора для ночных насекомых. За исключением этого островка света, все было погружено в темноту. Из джунглей струились пряные запахи гниющих листьев и цветущих бугенвиллей. Прислушавшись, можно было различить ритмичные постукивания тамтамов, разноголосицу собачьего лая.

– Шаманят? – спросил Белов, качнув головой в сторону отдаленного шума.

– Гуляют, – объяснил Приходько, разливая ром. – Жизнь у них, у туземцев, веселая. Как стемнеет, пляшут. А потом дрыхнут до вечера.

Это была его самая длинная тирада за последние полчаса. Узнав, что натворили братья Беридзе в детском лагере у Черного моря, он сделался угрюм и малоразговорчив. На лбу его пролегла глубокая косая морщина, которую Белов прежде не замечал. Свою сожительницу Джекзлу, попытавшуюся кокетничать с гостем, Приходько выпроводил с веранды, придав ей ускорение размашистым шлепком по задку. На смену ей явилась другая негритянка, назвавшаяся Мали и показавшаяся Белову очень симпатичной, но ее ожидала та же участь. С тех пор никто не нарушал покоя мужчин, разделенных столом с нехитрой снедью и возвышающейся в центре бутылкой рома.

– Какого беса они в Уганде делают, грузины эти? – пробормотал Приходько, раскурив сигару. – Медом им тут намазано?

– Наверное, – сказал Белов, – посчитали, что здесь легче затеряться. А потом тут есть генерал Тананзе, помогающий беглым преступникам. – Он прополоскал рот ромом и проглотил. – Боюсь, эти живодеры уже далеко отсюда.

– Не думаю, – молвил Приходько.

– Почему?

– Поверь моему опыту, Олежек. Получить деньги за грязную работу не так-то просто. Террорист ведь не пойдет в полицию, не заявит, что заказчик задерживает ему выплату.

– Ты откуда знаешь? – полюбопытствовал Белов.

– Не твое собачье дело, – беззлобно отшил его Приходько. – Речь о другом. Ты мотай на ус, дядя Остап знает, что говорит. – Он вытянул губы трубочкой, пуская дым к звездам, крупным, как алмазы из копеек царя Соломона. – Эти Беридзе не получают паспорта и не вылетят из Уганды, пока не заплатят Тананзе, что пообещали, а пообещали небось немало.

– Так, – кивнул Белов, обдумывая услышанное.

– Значит, принимают их хорошо, но содержат под домашним арестом. Если срок истечет или терпение генерала лопнет раньше, чем поступят деньги, то грузинов живьем закопают в землю, или в термитник сунут, или слопают.

– Интересная мысль, – изрек Белов, наполняя бокалы.

– А я весь такой, – сказал Приходько, – интересный.

– И что бы ты предпринял на моем месте?

– На твоём месте, Олег, я бы обратился к своему новому знакомому Остапу...

Приходько ткнул себя пальцем в грудь.

– И что? – поторопил его Белов.

– А то, что можно отправиться к этому Тананзе вдвоем, прищемить ему яйца и покалякать с ним по-мужски.

– А потом?

– А потом смоемся на пару. Надоела мне эта Уганда хуже горькой редьки. Десять лимонов, и я готов послужить России.

– Десять миллионов чего? – пожелал уточнить Белов.

– Баксов, – безмятежно ответил Приходько.

– Это нереально.

– А мне кажется, очень даже реально. Вы ведь хотите наказать грузинов?

– Тема закрыта, – сказал Белов и внезапно пожалел, что не уехал сразу, а остался на ночь, подавшись уговорам гостеприимного запорожца.

Даже если бы государство расщедрилось на столь крупную сумму, то согласование ее потребовало бы не один месяц. А Приходько не походил на доверчивого простака, который согласится работать без стопроцентной предоплаты. Вот вам и братья-славяне. Дружба – дружбой, а табачок врозь.

– Слышь, Остап, – окликнул Белов, разглядывая ром в захватанном пальцами стакане, – ты в Запорожье на окраине жил?

– Почему на окраине? – удивился Приходько.

– Ну, как в той поговорке.

– В какой поговорке?

Лоб Приходько перечеркивала уже не одна линия, а целые три, его глаза подозрительно прищурились. Благоразумнее было промолчать. Однако Олег Белов не отличался особым благоразумием.

– А про хату, которая с краю, – закончил он. – Слыхал?

– Слыхал, – подтвердил Приходько, медленно поднимаясь с плетеного кресла. – Это моя хата с краю, что ли?

– А чья же еще? – спросил Белов, тоже приготовившись встать.

* * *

Неизвестно, чем завершилась бы эта сцена, если бы не появление Джексы и Мали. Не обращая внимания на мужчин, они ринулись к фонарю, где принялись размахивать руками, подпрыгивать, приседать и выделывать такие коленца, что, позабыв о назревающем конфликте с Приходько, Белов не мог оторвать от них глаз.

Стянув через голову свой наряд бусути, Мали проворно расстелила его в круге света на траве и продолжила свой дикий танец. Ее почти обнаженное тело блестело, словно смазанное маслом. Рядом приплясывала Джекса, груди которой тяжело колыхались под легкой маечкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.